

Все интриги, какие велись в это время в Париже среди «государственных людей», никогда не удастся распутать. Довольно будет сказать, что 1 января 1793 г. Дюмурье спешно явился в Париж и оставался там до 26-го, ведя разного рода тайные переговоры с разными фракциями, в то время как Дантон был до 14 января при войске Дюмурье¹.

Наконец, 14 января после очень бурных прений Конвент решил поставить на голосование и решить поименным опросом каждого депутата три вопроса: виновен ли Людовик XVI в «заговоре против свободы нации и в покушении на безопасность государства», будет ли приговор повергнут на голосование всего народа и какое будет назначено наказание?

Поименный опрос начался на другой день, 15-го. Из 749 членов Конвента 716 объявили Людовика XVI виновным (12 членов отсутствовали по болезни или потому, что находились в отлучке по поручению Конвента; пятеро воздержались). Никто не ответил на вопрос отрицательно. Затем обращение к народу было отвергнуто 423 голосами из 709 вотировавших. В это время в Париже, особенно в предместьях, царил страшное возбуждение.

По третьему вопросу, о наказании, поименный опрос тянулся 25 часов подряд. И тут еще, по видимому, под влиянием испанского посла, а может быть и его золота один депутат, Майль, поставился запутать дело и подал голос за отсрочку казни. Его примеру последовали еще 26 членов.

За смертную казнь без всяких оговорок подано было 387 голосов из 721 вотировавшего (5 человек воздержались и 12 отсутствовали). Таким образом, приговор был произнесен большинством всего 53 голосов или даже 26, если исключить тех, которые голосовали условно, с отсрочкой. И это в такой момент, когда было совершенно очевидно, что король замышлял измену и что оставить его в живых значило вооружить одну половину страны против другой, отдать часть Франции чужеземцам и, наконец, остановить революцию как раз в это время, когда после трех лет глубоких потрясений, не приведших еще ни к чему прочному, представлялась, наконец, возможность приступить к разрешению самых важных вопросов, волновавших страну!

Но опасливость буржуазии шла так далеко, что она ждала почему-то в день казни Людовика XVI всеобщего избиения.

21 января 1793 г. Людовик XVI погиб на эшафоте. Одно из главных препятствий социальному возрождению республиканской Франции перестало существовать.

До последней минуты Людовик XVI надеялся, по-видимому, что восстание освободит его. И действительно, был план отбить его по пути; но бдительность секций и Коммуны помешала его осуществлению.

XXXIX ГОРА И ЖИРОНДА

Начиная с 10 августа Парижская коммуна помечала свои акты «IV годом свободы, I годом равенства». Конвент помечал свои законы «IV годом свободы, I годом Французской республики». Из этой маленькой подробности уже видно резкое различие двух точек зрения: парижского народа и Конвента.

Начнется ли теперь новая революция в дополнение к первой? Или же все ограничится установлением, узаконением политических вольностей, завоеванных с 1789 г., т. е. упрочением власти буржуазии при несколько демократизованном государственном устройстве, причем народная масса даже не получит возможности воспользоваться громадным перемещением богатств, произведенным революцией?

Здесь, очевидно, выступали две совершенно противоположные точки зрения; и представителями этих двух точек зрения в Конвенте являлись, с одной стороны, Гора, с другой - Жиронда.

На одной стороне стояли те, кто понимал, что для уничтожения старого, феодального строя еще

¹ По этому поводу Жорес исправил одну существенную ошибку Мишле. Речь, произнесенную 14 января в пользу короля, которую Мишле приписывает Дантону, произнес в действительности Дону. Дантон же, напротив того, вернувшись в Париж 15-го, произнес сильную речь, в которой требовал осуждения Людовика XVI. Важно было бы проверить справедливость обвинений, выставленных Бийо-Варенном в речи, произнесенной им 15 июля 1793 г. против Бриссо, Жансонне, Гюаде и Петрона (брошюра в 32 стр., изданная по распоряжению Конвента. Коллекция в Британском музее брошюр по Французской революции, т. 1097).